

Д.Б. Волков

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Волков Дмитрий Борисович – доктор философских наук, содиректор. Московский центр исследования сознания при философском факультете МГУ. Российская Федерация, 119121, г. Москва, ул. Бурденко, д. 14А; e-mail: dvolkoff@gmail.com

В статье Д.Б. Волков последовательно отвечает на замечания оппонентов к его работе «Преимущества нарративного подхода к проблеме тождества личности». В ответе М.А. Секацкой подтверждается, что нарративный подход не позволяет произвести реидентификацию личности. Вместе с тем обосновывается положение, что реидентификация личности не необходима для теории тождества личности. В ответе И.Г. Гаспарову приводятся аргументы в пользу того, что личность и характер вторичны по отношению к нарративу, а также разъясняется критерий изложения нарратива. В ответе С.М. Левину выражается согласие с тем, что нарративный подход можно считать антиреалистическим. Но в то же время это не означает, что нарративисты не могут разделять четырехмерную концепцию личности.

Ключевые слова: тождество личности, редупликация, нарративный подход

М.А. Секацкая считает, что сценарий с дубликацией личности представляет проблему для нарративного подхода. Эта проблема – в невозможности реидентификации. Я согласен с тем, что нарративный подход действительно не позволяет произвести реидентификацию, но считаю это особенностью, а не проблемой. Сторонники нарративного подхода предлагают заменить вопрос о реидентификации личностей вопросом характеристики. Чтобы доказать, что такая замена неприемлема, нужно объяснить, зачем для теории тождества личности требуется именно реидентификация.

Реидентификация может быть нужна в связи с практическими соображениями: определением критериев выживания личности и приписыванием моральной ответственности за действия. Одним из оснований для этого служит нумерическое тождество. Но это лишь достаточное, а не необходимое условие ответственности и выживания. Альтернативным основанием может быть характеристика. Если поступки в t_1 характеризуют личность в t_2 , то личность в t_2 несет за них ответственность. Аналогичным образом, если свойства в t_1 характеризуют личность в t_2 , то личность в t_2 можно считать выжившей.

Таким образом, нарративный подход, не давая ответа на вопрос о реидентификации, может тем не менее решать задачи теории тождества личности и объяснять, что происходит в гипотетической ситуации с дубликацией.

В описанном выше сценарии дубликации Роберт и Чарльз являются Гаем Фоксом. Оба человека несут ответственность за его действия, и оба являются продолжениями его личности. Пока их история совсем неразличима – это одна личность с двумя телами. Однако такое состояние краткосрочно, так как истории неизбежно разойдутся, и тогда личностей будет две. Дубликация личностей не ведет к проблеме, ведь характеристика, в отличие от нумерического тождества, не является отношением один к одному. У двух разных объектов могут быть общие характеристики так же, как у двух разных объектов могут быть общие части. Таким образом, следует объяснять дубликацию в нарративном подходе.

И.Г. Гаспаров в статье «Тождество личности и нарратив» утверждает, что нарратив вторичен по отношению к личности. Августин, по мнению автора, остался бы Августином, даже если бы остался манихеем и написал другую автобиографию. То есть автор статьи утверждает, что нарратив зависит от создателя, а не наоборот. Гаспаров подкрепляет эту интуицию наблюдением, что не все личности способны к выражению своего нарратива так полно, как, например, Августин, и, следовательно, нарратив неудовлетворителен как критерий и основа тождества личности. С моей точки зрения, эти замечания показывают необходимость дальнейшего разъяснения, а не отрицания нарративного подхода.

Во-первых, необходимо прояснить, что требование изложения нарратива не ограничивает круг личностей мыслителями, способными составить глубокий, исполненный смысла автобиографический рассказ. Чтобы быть личностью, достаточно способности объяснять действия и объединять события жизни в единое целое. Таким требованиям не отвечают младенцы, некоторые психически больные люди и люди, подобные Клайву Веарингу. Но здоровые взрослые люди им удовлетворяют.

Во-вторых, следует показать, что нарративы не всегда предполагают автора. Утверждение о том, что личность предшествует нарративу, требует оснований, но они не приводятся автором статьи. Одним из таких оснований могло бы быть представление о том, что нарративы вообще невозможны без автора. Однако сторонники нарративного подхода приводили примеры нарративов, которые образуются без авторов. Одним из таких примеров служит игра «Психоанализ» в «Объясненном сознании» Деннета¹. Философ показывает, что нарратив может порождать протагониста-автора. Более того, в случае с личностью это наиболее правдоподобно. Из первичности нарратива по отношению к личности действительно следует, что Августин был бы другой личностью, если бы он остался манихеем. Но в этой интерпретации я не вижу противоречия. А противоположное утверждение ведет к сомнительной метафизической позиции, в духе картезианского дуализма.

С.М. Левин обращает внимание на различие между реалистическими и нереалистическими теориями личности. Он замечает, что преимущество нарративного подхода именно в том, что это антиреалистическое решение. При этом С. Левин утверждает, что с антиреалистическим подходом не сочетается убеждение о четырехмерной структуре личности. Я согласен с тем, что нарративный подход является антиреалистическим. Антиреалистическая позиция в отношении какого-то факта обычно предполагает

¹ *Dennett D. Consciousness Explained. Boston, 1991. P. 10.*

отсутствие независимости этого факта от чьих-то убеждений, лингвистических практик и концептуальных схем. Характеризация как основание существования и единства личности действительно не является независимой в этом смысле. Однако я думаю, что антиреализм может сочетаться с четырехмерной концепцией личности.

Действительно, нарратив конструирует своего героя протяженным во времени и пространстве (такую интерпретацию предлагает и сам С. Левин). Наличие временных частей позволяет обосновать ответственность и выживание личности, а также объяснить возможность одной части истории быть включенной в нарративы двух личностей (как в случае с двумя Гаями Фоксами после ветвления). Однако сам нарратив является зависимым от механизмов его формирования и реинтерпретаций. Ни на каком этапе нарратив не является строго фиксированным, застывшим. Таким образом, личность представляет собой фиктивный четырехмерный объект. В этой части я принимаю предложенную Левиным интерпретацию. Однако я не могу согласиться со вторым предложением – «ограничением реальностью» в качестве критерия нарратива.

Левин пишет, что предложенный мной критерий правдоподобности нарратива следовало бы заменить «ограничением реальностью», как делает это, например, М. Шехтман. Я считаю это предложение опасным именно для антиреалистической интерпретации личности. Ограничение реальностью предполагает наличие фактов о личности, независимых от интерпретаций. Как было отмечено выше, согласно нарративной теории, таких фактов нет. Следовательно, нарратив может быть ограничен только другими нарративами, а не фактами или реальностью.

Список литературы / References

Dennett, D. *Consciousness Explained*. Boston: Little Brown, 1991. xiii, 511 pp.

A reply to critics

Dmitry B. Volkov

The Moscow Center for Consciousness Studies. 14 A Burdenko Str., Moscow, 119121, Russian Federation; e-mail: dvolkoff@gmail.com

In this essay, I reply to the main objections from Maria Sekatskaya, Igor Gasparov and Sergei Levin to my previous paper, *Benefits of a narrative approach to personal identity*. In my reply to Sekatskaya, I accept that the narrative approach does not always provide means for reidentification in the duplication scenario, but I argue that reidentification is not necessary for the theory of personal identity. In my reply to Gasparov, I argue that character and personhood can be secondary in relation to the narrative; I also provide details for the criteria of narrative presentation. In my reply to Levin, I agree that the narrative approach is an anti-realist approach to personal identity, but I suggest that this is consistent with the four-dimensional concept of person.

Keywords: personal identity, reduplication, narrative approach